ных норм, так и к возникновению новых норм, постепенно устанавливающихся в языке, в его литературном произношении.

Подобная направленность книги делает ее не только хорошим справочником для тех, кто интересуется вопросами русской орфоэпии, кто хотел бы знать правила русского произношения, но и весьма серьезным научным трудом, позволяющим оценить русское произношение в его историческом развитии — от старомосковского до современного, до произношения сегодняшнего дня. В этом плане новое издание «Русского литературного произношения» в наибольшей степени характеризуется учетом самых современных тенденций в орфоэпии, в определенной степени отчетливо меняющих старомосковские нормы, сохранявшие свою актуальность почти в полном объеме к началу 50-х годов нашего века. Здесь следует подчеркнуть, что, как правильно пишет автор (стр. 182—183), развившиеся изменения в русском произношении не затронули в целом фонетической системы русского языка, а шли в русле реализации тех возможностей в звуковом воплощении этого языка, какие издавна заложены в его системе.

Вместе с тем, отмечает Р. И. Аванесов, в ряде случаев изменение норм произношения все же в определенном плане затронуло фонетическую систему русского языка. По его мнению, это сказалось в вытеснении [ж':] твердым [ж:], в появлении [е] после твердого согласного, в укреплении [ʌ] вместо [ы^{э}] в первом предударном слоге после твердых шипящих, в сокращении ассимилятивной мягкости согласных перед мягкими согласными (стр. 184—188). Возникает вопрос, в каком отношении действительно указанные изменения норм произношения влияют на изменение русской фонетической системы? Ответ на него, как видно, связан с определением сущности фонетической (не фонологической!) системы. Если полагать, что фонетика имеет дело со звуковыми реализациями фонем, то эти реализации функционируют, как это совершенно ясно, на синтагматической оси, т. е. система этих реализаций (фонетическая система) определяется тем, какие звуковые единицы выступают в потоке речи в различных положениях по отношению друг к другу, к слоговой структуре слова, к ударению. В зависимости от этих факторов находятся особенности, определяющие характер данной фонетической системы. К ним, конечно, должна быть отнесена еще и артикуляционно-акустическая характеристика самих звуковых реализаций фонем, как она может быть представлена при их изолированном употреблении. Следовательно, парадигматические отношения, явления противопоставленности друг другу звуковых реализаций фонем, не имеют прямого отношения к фонетической системе — они не даны в самом потоке речи, а проявляются лишь при определенного характера построениях при изучении функциональной роли звуковых единиц. Иначе говоря, фонетическая система — это система отношений звуковых единиц, проявляющаяся на синтагматической оси и связанная с характером реализации этих единиц в потоке речи. Вопросы идентификации звуковых единиц в плане установления их функционального тождества или различия относятся к изучению фонологической системы как системы отношений звуковых реализаций фонем на синтагматической и парадигматической осях,— отношений, связанных прежде всего с различительной ролью этих единиц.

Если принять предлагаемое определение фонетической системы, то возникает вопрос об отношениях между этой системой и нормами произношения, устанавливаемыми в качестве общепринятых в литературном языке. Нет никакого сомнения в том, что орфоэпические нормы покоятся на характере фонетической системы, т. е. то, что свойственно данному языку в реализации звуковых единиц в потоке речи (а не то, что этому противоречит), кладется в основу норм произношения. Отсюда становится ясным, что такие нормы будут тем более определенны и устойчивы, чем более «жесткой» будет фонетическая система, и наоборот — чем более фонетической системе присущи заложенные в ней самой колебания в реализации звуковых единиц в потоке речи, тем труднее устанавливаются орфоэпические нормы, тем «зыбче» будут эти нормы и тем неустойчивее они окажутся. Так, по-видимому, обстоит дело в современном русском литературном языке, где фонетическая система позволяет широкое варьирование звуковых реализаций фонем в потоке речи и где поэтому существуют различные возможности для проявления разного рода инноваций в произношении, находящихся в рамках фонетической системы.

С этой точки зрения, те изменения в нормах произношения, которые Р. И. Аванесов относит к затрагивающим фонетическую систему, действительно являются таковыми, но важно подчеркнуть, что речь при этом идет не об изменении этой системы как таковой, а об иной реализации тех возможностей, которые есть в системе. Это отчетливо можно видеть на судьбе [ж':]. Ведь если рассматривать процесс вытеснения [ж':] твердым долгим звонким шипящим с точки зрения фонологических отношений, то окажется, что этот процесс идет вразрез со стремлением фонологической системы к упорядоченности и симметричности, к укреплению коррелятивных связей: утрата [ж':] при сохранении [ш':] ослабевает корреляцию по глухости — звонкости, разрушает симметричность отношений между долгими и краткими шипящими, превращает [ш':] в изолированную единицу в общей системе согласных русского языка. Однако в плане фонетическом, с точки зрения фонетической системы, изменение [ж':] в [ж:] есть всего лишь реализация иной возможности, заложенной в системе, а